На этот раз я смотрел на все со стороны. Я наблюдал, как три сотни всадников скачут по бескрайнему зимнему полю. Я летел рядом. Меня никто не видел, чем я и пользовался, заглядывая то на одного, то на другого. Суровые лица, плащи с красным крестом. Интересно стало, может мне ролевики-реставраторы снятся.

Картина мелькнула и уже весна. Скачет тот же самый отряд. Картина снова мелькнула и вот уже отряд остановился на привал. По непонятно откуда взявшемуся ощущению, я знаю, что конечная цель пути уже не далеко, всего в дне пути и завтра отряд будет там.

За свой полет я досрочно познакомился со всем отрядом. Мое внимание привлек седой старик, держащийся всегда особняком. В отряде с ним не дружили, ему, словно не доверяли. Один парнишка, все-таки общался с ним. Странное имечко Дотар. По разговорам я понял, что он был, так же как и он из южных земель. На этой теме земляков они и поладили. Я не уверен, сколько прошло уже времени. Я парю возле костра и слушаю разговор. Парнишка рассказывал старику, что это был его уже третий набег и, что предстояло сделать завтра. Я понял, что это отряд неких карателей, едущих вершить суд.

Каратели проходили сквозь деревни, оставляя на их месте лишь пепел, забирая все, что представляло какую-нибудь ценность, не оставляя в живых никого. Я в недоумении, что же мне хотят показать. Сон сильно затянулся, я боюсь себе представить, сколько времени прошло в реальном мире.

Я смотрел на старика, он был в смятении. Всю ночь не спал, думал. Сосредоточившись, я услышал мысли. Он размышлял о побеге. Убежать нельзя – повесят сразу же, остаться, стать подонком подобным им, он тоже не хотел. Что делать? В итоге он решил остаться, быть может, удастся убежать, когда начнут жечь дома.

К вечеру следующего дня мы были на месте. Это была довольно большая деревня 15-16го века. Наш командир Синод, снова странное имя, крикнул, что бы выдали преступников, иначе деревню сожгут. Ответа не последовало. Через час весь отряд поделили по десяткам, проверить каждый дом, всех кто попадется убивать, ценное выносить, дома сжигать. Короткий и понятный приказ, который им выдали.

Я выбрал отряд старика. Ему я больше симпатизировал. Он планировал в случае необходимости разделаться со своим отрядом. Посмотрел на его отряд, таких юнцов грех не накрошить при случае. Как то подозрительно, возможно это проверка лояльности. Старик разделял со мной мысли о подставе, за ним явно следят. Выражение лица его выражало решимость идти до конца.

Он дал приказ своему отряду заходить с северной стороны, путь туда, смотрю, не близкий, деревню окружает широкий частокол. Трусливое решение, на мой взгляд, ну и вполне практичное, он не хотел видеть всего того, что там произойдет. Юнцы стали возмущаться, что все разберут, но старик быстро переубедил их парой затрещин.

К тому моменту, как отряд доскакал, в деревне во всю горели дома. Тех, кто выбегал, сразу же

убивали. На площади инквизиторы сооружали настил из бревен, несли хворост для будущего костра. Сегодня кого-то собирались сжечь живьем. Меня не особо тронула ситуация, я воспринимал все как очередной голливудский фильм, в новом VR формате.

Моему десятку достался дом, находившийся на самой границе, деревушки. Это массивный дом из бревен, в нем было аж три этажа, если учесть что кругом сплошная мелочь, дом и впрямь эпичный среди карликов. Я решил посмотреть первый этаж. Пролетев сквозь стену, осмотрел комнаты. Повсюду порядок. Ценного я ничего не заметил, все по-простому. Послышался крик. Я оглянулся. Крикнули еще раз. Крик доносился сверху, со второго этажа. Кричала девочка. Я взлетел вверх по лестнице. Когда я залетел в комнату, то меня до ужаса проняло. На полу лежала девяти летняя девочка. Рядом от нее лежала вся её семья, мать, отец, брат, все мертвы, эти ублюдки не пожалели и младенца... А сейчас, эти подонки спорили, кому достанется девочка... Один уеб..к её уже раздевал. Я не мог этого вынести, меня замутило, я хотел улететь. Сделать я ничего не мог, только смотреть. Рядом стоял, тот самый дед, его эта картина так же тронула за живое. Девочка смотрела на старика, на лице ее, все в слезах, перепачканном кровью, читалась надежда, мольба

Он подошел к тому уроду, что раздевал ее и разбил ему об стену лицо. Удивительно, тот еще успел спросить его, за что его так, прежде чем оказался без головы. Этот ублюдок оставил на бедной девочке лишь порванную кофточку.

Она лежала прижавшись к стене, обняв братика и хныкала. А дальше старик стал убивать. Убил всех до единого, будь моя бы воля я бы воскресил их и сделал тоже самое, как только могут существовать в мире подобные им. Они ничего на смогли сделать старику. А она.... Она лежала... На её лице было счастье... Она... Она лежала с перерезанным горлом... Она покончила с собой... Бл.. Бл.. Бл.. что за сон бл.. такой. Хочу проснуться. Своими маленькими ручонками она сжимала мертвого младенца, и окровавленный нож... Она не вынесла гибели своей родни. Старик не выдержал и убежал, я полетел вместе с ним.

Я сломался. Вы скажете, что в кино и не такое бывало, и мне, как человеку, прокаченному всевозможным хорор-медиа контентом непозволительно. Но я вот, что скажу: Да я смотрел, играл. Я видел, очень много и крови, и грязи, какого говна только нет в интернете. Но бл… муха ни один гребанный режиссёр не смеет покушаться на святое.

Мой разум отказывался верить происходящему. Я не смог с собой совладать... Я не выдержал, сломался, желания затмили мой разум. Я плакал, я видел её лицо повсюду. Я хотел лишь одного - убежать.

Я вылетел на улицу. На площади собрано уже 6 костров, в последнем, уже кто-то пылал. Я не думал о нем, я ни чем помочь не могу. Я не могу даже сказать им слов утешения. Чтобы отвлечься, я нашел старика. Он шел по улице в отрешенном состоянии, кажется не обращает ни на что внимание. Моя голова гудит от доносившихся криков, но я лишь мотаю ею из стороны в сторону каждый раз, прогоняя боль.

Рядом со вторым костром толпился народ. Они, что–то кричат, кажется, они кричат: “Сжечь!” Я стал искать глазами, кого жечь собираются. Я пригляделся и увидел. На костер вели

женщину с виду не старую и не молодую. Она была не безобразна, стройна, красиво одета. Волосы у нее были цвета огня. За руку женщина держала двух пацанов 5 и 6 лет. Они, как и мать тоже были рыжими. Женщина закричала. Она умоляла пощадить хотя бы детей, но отовсюду было лишь слышно: “Убить суку! Сжечь ее! Сжечь ведьму!”. Её дети даже не понимали, что происходит, они не плакали, не пытались убежать, они просто не понимали…

Мое сердце разрывается от боли. Я увидел, как сорвался с места старик, решивший умереть, защищая их, чем вот так убежать. Я даже ему позавидовал, он хотя бы что-то может сделать. Хотя бы умереть.

Он бежал, но не успел, по дороге наткнулся на Дотара. Паренек быстро сообразил, что старик собирался делать, и повис на его плечах. - Смотри! - крикнул он - Хочешь как они? К тому моменту женщину с детьми уже подожгли. Старик заорал… со всей силы ударил его. Парень отступил на два шага, но устоял. Старик встал в боевую стойку, ожидая удара, но Дотар не стал нападать, он сказал. - Прощай друг - и ушел.

Старик снова побежал. Куда? прочь, лишь бы убежать, лишь бы не видеть всего этого. Я его прекрасно понимаю, но по какой-то причине я не могу последовать за ним. Остается только отрешиться от всего и смотреть, на эту злобу, эту ненависть.

Передо мной горели костры, горели дома, кричали, не успевшие выбежать из дома люди. Они звали на помощь. Но им никто не поможет. Я смотрел… Но вдруг… Крик, детский крик… Мелькнула картина, я увидел. как старик услышав крик, остановился, огляделся. Далеко позади него плакал ребенок. Маленький ребенок звал маму. Старик подумал: “Снова мне шанс. Спасибо великие!” Он дал слово, если еще и он погибнет, то я прыгнет в огонь к нему. Старик побежал. Он его нашел, четырех летний черноволосый малыш шел мелкими шашками сквозь ряды воинов. Он был в черной рубашке до колен, на ножках были простенькие тапочки. Малыш еле стоял на ногах… Бл… да это же я! Я наблюдал, как шаг за шагом топает малыш, как две капли воды похожий на меня. Я с грустью думал. Что видит он? Огонь, безумие, смерть. Он тихо плачет, по всхлипам разобрал, что он искал свою мать. Он не знает, что идет к своей собственной гибели. Я смотрел на него, как завороженный, а малыш все шел и шел, он перестал плакать.

- А-а-а вот он. Все сюда! - проорал наш командир Карателей Синод, его лицо выражало безумие. Глаза будто горели одержимостью.

Оцепенение спало, я… Я не знаю, что мне делать снова мне хотят показать смерть. Зачем?

Он схватил ребенка за руку и поднял над головой.

- Смотрите все! Вот он! Вот тот, кого мы искали. Смотрите все! Вот ради кого мы все собрались.

Отовсюду послышалось: “сжечь, сжечь, сжечь”. Я с ужасом смотрел в лица людей. Может хоть кто то в этой толпе нормальный. Но нет, каждый напоминал какого-то зверя.

- Вот оно, воплощение зла. Тьма наделила его чудовищной силой, чтобы уничтожить все, что нам дорого, чтобы отнять у нас все чего мы достигли. И теперь мы очистим нашу землю от этой. – Он потряс ребенка - Мы предадим его очищающему огню. Возрадуемся же. - Отовсюду посыпались ликующие крики. - Возрадуем же Господа нашего, за то, что в этот страшный час не отвернулся от нас, верных его служителей. Возрадуем же господа бога нашего за то, что направил праведный меч на неверных. Возрадуемся же! - чуть громче прокричал он.

– сжечь! - заорали войны. Синод повел малыша к последнему столбу.

В этот момент, старик, словно одержимый, бросился к костру. Он словно берсеркер махал мечем, убивая направо и налево, пока его не скрутили. Его стали бить, он держался, чтобы не потерять сознание. Старика схватили за руки и волоком потащили к Синоду.

- Смотри те же преданные господу нашему, смотрите... - заорал командир, его глаза светились безумием - вот он предатель, приспешник тьмы. Посмотрите на него. – Синод схватил старика за волосы и поднял голову. -Он даже не поморщился, когда убил своих товарищей, с которыми жил бок о бок, с которыми ей из одной тарелки.

- Убить его! Сжечь его! - Орут со всех сторон беснующиеся от крови люди.

- Нет! Мы его не убьем, пускай смотрит, как исчезнет тот, кому он так верно служит.

Старик закричал. Его держало несколько воинов. Он извивался, сопротивлялся, но не мог вырваться... Я смотрел на того малыша, а он смотрел на старика - с жалостью, с надеждой. Он вспомнил ту девочку, что погибла от собственной руки, и зарыдал. Над стариком стали потешаться. По моим щекам так же лились слезы, очень тяжело все это.

Они привязывали его к столбу, а ребенок, так похожий на меня не сопротивлялся, он смотрел на всех, с немым вопросом: “Почему?”. Я не мог ничего ответить. Я задержал дыхание, каждое мгновение казалось, было вечностью. Я видел, как медленно загорался хворост. Как маленький огонек, перекидывался с ветки на ветку, как дымился, перед тем как вспыхнуть каждый листочек. А дальше, как в замедленной съемке.

Вот разгорается костер, затрещал хворост. Вот, огонь уже рядом с его ногой. Малыш наклонился, посмотрел на огонь, потом на руки и улыбнулся веселой детской улыбкой. Он стал двигать рукой, а огонь вторил его движениям. Он приподнял руку, пламя вспыхнуло с новой силой. Я заорал от радости. Да он же играет с ним, он играет с пламенем.

И тут началось. Небо, все еще красное почернело, тучи появляясь, обрастали массой с чудовищной скоростью. Малыш поднял вверх руки, столб огня вознесся высоко, осветив черное небо желтым светом. Я видел его лицо, оно было бледное, как у мертвых, его глаза заполняла пустота – это был не человек. Даже в кошмарах я не мог представить такое. Один из воинов держащих старика заорал. Пришел в себя и Синод.

- Убейте его, ради всего святого, убейте. - Кричал он. В его голосе чувствовалась тревога и страх. Служитель их проклятого бога, больше всех разглагольствовавший о бессмертии души, боится смерти. “А как же там, их вечная жизнь, встреча с богом. Ха Ха.”- восторженно подумал я. К костру побежали 3 карателя с мечами на перевес. Малыш или, что там было вместо него. Даже не посмотрел на них, пламя само ринулось к ним. Каратели не издав ни единого звука, развеялись пеплом. Дальше началось что-то невообразимое. Началась паника. Все бежали, кто куда, но их все же догонял огонь. Старик стоял на коленях, наблюдая за происходящим, он не мог поверить, что такое вообще может быть. Над ним проносилось пламя, сжигая все и вся. Оно не жалело никого ни жителей, ни инквизицию. Горели все. В старике все перемешалось: Чувство победы, радости, ужаса, отчаяния, жалости все тогда переплелось в нем, он стоял на коленях и не знал, радоваться ему или плакать, он просто смотрел и ждал.

Скоро все как-то быстро само собой закончилось. В некоторых местах приходили в себя каратели, чудом избежавшие “очищающего огня” хе хе. Старик подбежал к малышу, он был в обмороке, но жив, его руки... Его руки…. Бл… Страшно обожжены. Кожа маленьких ручонок почернела и потрескалась, из трещин сочится кровь.

- Берегись. – Заорал я, но увы, как и прежде, меня не услышали.

- Получи! - Старик отлетел в сторону, висок его брызнул кровью. Это был командир. На него было невыносимо смотреть, он был весь в крови. Лицо его, все в грязи, искривлено в страшной гримасе страха и ненависти. Он подбежал к малышу и занес над ним меч.

- Истинным именем его я изгоняю...- Не успел он договорить, как старик со всей, что осталось силы, саданул его по челюсти. Меч его отлетел в сторону, сам инквизитор упал. Старик сел ему на грудь и стал бить по лицу, бил его не останавливаясь, бил, бил, его лицо уже исчезло, превратившись в кровавое месиво, а он все бил. Остановился я только после того, как исчезли последние остатки от человеческого.

- А-а-а! - к нему бежало двое солдат, он схватил меч и встал перед ребенком. Первый удар отбил, а второй пришелся ему по правому плечу. Старик отшатнулся, отбил ещё два удара, и обратным ударом ему все же удалось достать одного из нападавших. Солдат поник, изо рта и горла брызнула кровь, он упал. Второй противник был попроворнее, он не нападал, если не был уверен, что его удары достигнут цели. Через десять минут, на старике не осталось живого места, но он не отступал. У него было, что защищать, отступить не может. Последним ударом, солдат надрубил ему руку, и старик выпустил меч. Следующий удар был направлен ему в сердце. Он закрыл глаза, ожидая смерти. Но удара не последовало. Простояв несколько мгновений, он решился открыть глаза. Его сразу же отбросило от разорвавшегося трупа. Рядом с ним с бледным лицом стоял малыш. Он держал вытянутой изуродованную пламенем руку. Качаясь, еле стоя на ногах, подошел к старику и упал прямо в руки. Старик обнял его, как собственного сына.

Я проснулся, мокрый от пота. На сердце дикая боль, кричать нету сил. От нахлынувших эмоций я тихо зарыдал.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/17474/362405